

Александр Етоев

Эксперт по вдохам и выдохам

*Часть сборника
Эксперт по вдохам и выдохам
(сборник)*

Александр Етоев

Эксперт по вдохам и выдохам

«Автор»

1998

Етоев А. В.

Эксперт по вдохам и выдохам / А. В. Етоев — «Автор», 1998

ISBN 978-5-457-09939-5

«Замечательно – на потолке, как раз над моей головой, так безответственно положенной на жесткую гостиничную подушку, чернели пулевые отверстия. „Здесь проживал гусар, пил водку, думал о женщинах и стрелял с тоски из лепажа“, – соображение показалось здравым. Потолок был ранен в пяти местах, не хватало двух пуль, чтобы вышла Большая Медведица. Тот, кто стрелял, верно, не думал о звездах. Или проще – в пистолете не хватило зарядов...»

ISBN 978-5-457-09939-5

© Етоев А. В., 1998

© Автор, 1998

Содержание

1	5
2	7
3	9
Конец ознакомительного фрагмента.	11

Эксперт по вдохам и выдохам

1

Замечательно – на потолке, как раз над моей головой, так безответственно положенной на жесткую гостиничную подушку, чернели пулевые отверстия.

«Здесь проживал гусар, пил водку, думал о женщинах и стрелял с тоски из лепажа», – соображение показалось здравым.

Потолок был ранен в пяти местах, не хватало двух пуль, чтобы вышла Большая Медведица. Тот, кто стрелял, верно, не думал о звездах. Или проще – в пистолете не хватило зарядов.

От пулевых норок по потолку тянулись толстые старческие морщины, расходясь, тончали, пересекаясь, ловили сеткой медленных медных мух.

Сон одолевал, дрема отяжелела веки, но будучи благоразумен, на всякий случай я раскрыл стоявший на полу саквояж. «Шарри, ко мне, мой Шарри!» Шарри – любимая заводная игрушка, мой электронный паук. Шарри незаменим. Имя Шарри придумал я сам, происходит имя от песьего имени Шарик, «к» я убрал как лишнюю, для рычанья добавил «р», и получился Шарри.

Шарри зверь молчаливый, не то, что змея или пес. Мой коллега Герман Петров предпочитает гремучих змей, когда нужно поставить охрану. Алик Ступкин предпочитает змей тоже, но декоративных удавов с Борнео. А я – по старинке – ценю дружбу электронного паука. Привык. И Шарри ко мне привык. Два сапога – пара.

Лежанка была маловата. Росту я под два метра, точнее, метр девяносто четыре, и бедная голова, упершись в деревянную стенку, затылком ощутила в дереве некий овальный дефект. Не глядя, я пальцем ткнул за голову, и палец подушечкой прилепился к ровному скосу отверстия. Лениво я повернул голову. Ага, и здесь гусарская пуля. Или это соперник помешал гусару изобразить звездного зверя до конца? На внутренней стенке отверстия я заметил след высохшей рыжей краски. Я вздохнул. Гусарика стало жаль.

Через минуту я спал. Сон был красив и нежен. Мне снилась Лидия, ее мягкий молочный сосок, ее мягкие молочные бедра.

«Сон в руку?» – спросил я себя, просыпаясь. Встал и набрал номер. Маленькая любимая точка в южном полушарии планеты ответила, не заставив ждать:

– Аркадинька?

Я был возмущен и ответил громко и гордо:

– Я Миша, а не Аркадий, Лидия Алексеевна. Аркадий вам позвонит позже.

– Мишенька, ты откуда? – ангельский голосок.

«Нет, леди невинна. Несмотря на злодея Аркадия, несмотря на злодея Виктора, злодеев Адама, Юрия, Леонида.» Я оттаял.

– Лиданька, я из Бежина. Есть такой городок между Брестом и Петропавловском. Здесь зима, а у тебя что? Лиданька, ты меня любишь?

– Люблю, – ангельский голосок. Хитрый-хитрый, невинный-невинный.

– А Аркадия?

– Мишенька, Аркадий – племянник, мальчик двенадцати лет.

«Ах, лукавит, коварная. Ангел, ангел... Змея.»

Еще пять минут разговора, и я понял, что сон не в руку.

Утро было туманное. Сквозь стеклянную зыбь окна заглядывали беленные инеем топольки. Пока я спал и звонил, дырок на потолке не прибавилось, и за это в награду Шарри Верный от руки хозяина лично имел быть обласканным вылинявшим обрезком замши.

Шарри замшу ценил. После нее он блестел, а инородная пыль аккуратно стряхивалась в уборную.

Выходя их гостиничной кельи, честно признаюсь, я испытал стыд за утрату профессиональной бдительности. Да, устал, да, было поздно и в коридоре сэкономили свет. Но не заметить на двери табличку – непростительно, Михаил Александрович. Я ее прочитал, трогательную надпись на двери. «В этом номере свел счеты с жизнью поэт Александр Дегтярный, двадцати семи лет.»

«Мемориальный номер, – присвистнул я тихим свистом, – вот почему дырки. А я-то – гусар, лепаж... Оплошал, гражданин эксперт.»

Идя по утренней улице, я мучительно вспоминал: Дегтярный... Дегтярный... поэт. Баратынский, Анненский, Белый... Черный... Дегтярный. Нет, в ряд именитых Дегтярный вписываться не хотел. Я попытался выстроить новый ряд, чтобы с наскоку расшевелить память: Бедный, Голодный... Смоленский... Дегтярный.

Мне стало смешно. Я рассмеялся вслух. Синее пятно впереди обдало меня синим паром. Пар производился частым дыханием милиционера, шедшего мне навстречу.

Милицию я люблю. За что, не знаю, но мне нравятся эти люди. Я и сам отчасти такой.

– Дегтярный? – Милиционер отдал честь и указал на ближайшее здание. – Средняя школа № 1 имени поэта Дегтярного. При школе мемориальный музей. Там вам расскажут.

– Спасибо, – сказал я вежливо и пошел от здания прочь.

Сначала изучить город, таков мой рабочий стиль. Изучить город, походить, посмотреть, завести случайных знакомых (желательно женского пола), как водится, вечернуть в ресторане, а пригласят в гости на чай – немедленно согласиться. Не потому, что я такой женолюб (хотя не без этого), просто женский язык Богом создан для передачи нужной мне информации. Но и мужскими знакомствами гнушаться не стоит. Мужик, он разный бывает, и чем пьянее, тем интереснее.

Город Бежин – центр Бежинского района, население 120 тысяч, промышленность развита слабо. Имеется речной порт. Река Бжа непосредственно через Волгу впадает в Каспийское море. У Бжи есть приток – Бежинка, – высыхает летней порой. Как Нежин славится огурцами, город Гамбург – пивом и гамбургерами, так и Бежин – знаменитыми бежинскими голубями величиной с ворону. Голуби экспортируются в Европу.

Как видите, географический справочник многословием не отличался. Энциклопедия и того плоше. Самое ценное, что они мне дали (не считая справки про голубей), – пара прибитых тараканов в читальном зале гостиничной библиотеки.

Здесь, в городе Бежине, четверо моих подопечных. Опасных, особо опасных, чрезвычайно опасных для меня лично и совершенно индифферентных к окружающему мирному населению. Их-то ради я и прибыл вчера сюда «ракетой» на воздушной подушке.

2

Морозец был легче легкого, в своей первой пешей прогулке я ограничился пуловером под полупальто и узким зеленым шарфом. Шапку надевать не стал. Саквояж я прихватил тоже – из-за Шарри, для пущей страховки прицепил под полупальто пугач, а небольшой пистолет-зажигалку положил в брючный карман. Не помешают.

Посмотрев на свое отражение в зеркальном стекле витрины, я остался доволен. Сорокалетний красавец, рост спортивный, в зубах сигарета, усат. Совершает утренний моцион.

Я вышел на набережную. Река Бжа пар[/]илась над черным фарватером, лед у берегов подтаял, неприлично желтели разводы, а у причала вода была чистая и визгливо кричали чайки.

Улица Правобережная. Асфальтовая струя тротуара, покрытый наледью скос, круто уходящий к реке. И никакого барьера. Достаточно ловких рук и легкого поворота руля, и сорокалетний красавец поскользится как миленький вниз, к подмигивающим полыньям, жующим хрустящие крошки.

Маловероятно, но такой возможности исключать нельзя. Моих подопечных хотя природа и обделила дыханием, но нюх на нашего брата эксперта у них будь здоров. На этом, между прочим, основано одно из правил слепого поиска – эксперт в роли наживки. Правило не из приятных. А что делать, как говаривал Николай Гаврилович Чернышевский?

От реки лучше уйти. Береженого Бог бережет. Я затаился и выпустил шарик дыма. Ветерок понес его над рекой к левому берегу, выкрашенному в рыжую охру. Там пакгаузы порта, его товарные отделения. Там хозяева – краны, там дымы стоят столбняком, там упорство и труд перетирают в пыль энтропию.

Моих там быть не должно. Это для меня плюс, поскольку зона поисков [/]уже. Еще одно свойство моих трудных детей – где масляный пот механизмов, заплаканные глаза компьютеров и рабский труд операторов производства – туда мои ни ногой.

Набережная была пустынна. Далеко впереди, справа, там, где щербатая от редких зданий улица Правобережная исчезала, проваливаясь сквозь землю, что-то такое влажнело. Туманное облачко пара поднималось там вдаль. Похоже, прорвало трубу.

Сто тысяч местного населения, где вы? Ага, кто там лоснится лицом в застекленной газетной башенке? Я подошел к киоску и кивнул сахарному лицу. И ошибся, сахар был льдом. Продавец на меня не смотрел, он читал цветную обложку – жаркую, как русская печь, африканку, рекламирующую бездымные сигареты «Этна». Я ему позавидовал.

Одиноким бледным стопой лежали прямо на холодке свежие номера местной газеты «Коммунизм», издания бежинских коммунистов-некоммунистов. Справа под шапкой пети-том митинговала фраза: «К коммунизму без коммунистов». Во времена моей студенческой молодости, на которые приходился пик борьбы с профессиональной партийностью, я, помню, сам бегал в футболке с точно таким же лозунгом. Усов я тогда не носил. Зато издавал собственную газету. Называлась она, прости Господи, «За здоровый аморализм» и стояла рупь с полтиной. Симпатичным студенткам я раздавал ее даром, и некоторые отвечали взаимностью.

Давно это было, медь обросла патиной, губа щетиной, но и теперь, разобрав газетный петит, я припомнил с улыбкой застиранную футболку безусой моей молодости.

Бросив белый кружок на сбегающий под стекло желоб, я проследил его бег в мелкую жестяную монетницу. Подруг у монеты не оказалось. Я ждал, что газетный страж поднимет на меня хоть глаз, хоть треть глаза. Не мой ли он подопечный? Вряд ли. Будь газетчик моим, он бы так не сидел – почуял, насторожился, не дочитал грудастую африканку. Не мой.

Ладно, с[/]идень, сиди. А мы двинемся дальше.

Газету я положил в карман, намереваясь прочесть в первой кофейной теплице, которую увижу, гуляючи.

3

Агентурные сведения, которыми я располагал о подопечных, были скудны до прозрачности. От Геры Петрова – он год или два занимался центром России – я знал, что в срединных континентальных зонах подопечные нашего ведомства тяготеют к образу жизни скорее общественному, коллективному, чем, скажем, в странах Магриба. Там они замыкаются на себя и поэтому выявляются проще.

Я вздохнул. Оконце кафе запотело. Кофейный автомат урчал, как сытый желудок, а кофейная дама за стойкой так пропиталась кофе, что лицом стала коричнева и сморщилась, как гриб в октябре.

Такие не в моем вкусе. Я вздохнул еще раз и полез в карман за газетой.

Никто не знает, откуда придет удача. Знает Бог, но Бог не всегда за нас. Когда я раскрыл газету, по привычке – на последней странице, там, где спортивная, уголовная и прочая интересная хроника, я глазам не поверил. Редактор К.Полетаев.

Костька! Так вот ты где! Коммунист ты мой недорезанный. Редактор провинциальной газеты. Небось, метил в президенты, не меньше, а вон куда выбросила судьба. Костька!

Кофе я не допил. Умертвил в чашке окурочок и поцеловал по воздуху сморщенные губы кофейницы. В той что-то сломалось, и она замерла в позе испорченной заводной куклы, растопырив пухлые ручки.

– Знаешь, Мишок, есть один человек на примете. Я не ручаюсь, но...

Костька от должности растолстел. Даже коньячная влага, когда мы допили до дна вытасченную из сейфа заначку, не вернула ему, увы, прежнюю осиную статью. Сорок лет это не двадцать пять, когда мы виделись в последний раз.

– Рассказывай, – сказал я и приготовился слушать.

И он рассказал мне случай.

Правда-неправда, сам лично не видел, а рассказывал наш корректор Ермолин, ему – Боря Чуйков, ты их не знаешь, они – мои, типографские. Чуйков вроде присутствовал при этом случае сам, или брат его Николай, или племянник Гришка. В общем, собралась однажды в ресторане «Якорь» компания. Крепко выпили – по-бежински, как здесь говорят. Дело было зимой, под март, ну и по пьяной лавочке давай в компании спорить, кто переплывет нашу Бжу. Бжа не замерзает, ты видел. Судоходство у нас круглый год. Бежин – речная столица края, вс(223) через Бежин – в Россию, из России – на юг. Бывает и иностранец наш город жалуется, как же – международный аукцион по продаже бежинских голубей. Каждую осень. Видел наших голубей? Не видел? Еще увидишь – слоны!..

– Костя, не отвлекайся, я на работе.

– Так вот, – Костя выправил курс, – поспорили на ту же бутылку «Бежинской» некто Гаврюхин и портовый рабочий Шишов. Шишов говорит: «Шиш». Гаврюхин: «Нет, доплыву». Гаврюхина, говорят, отговаривали, да, видать, плохо. Любопытно было ребятам: неужто и впрямь доплывет? Бжа, она с виду тихая, но на самом фарватере, где быстрина, течение ой-ей-ей. Вот он и поплыл, Гаврюхин. Говорят, доплыл до середины. Потом что-то мелькнуло, булькнуло, как китовый фонтан, и пловец пропал. Тело искали четверо суток. Просвечивали приборами глубину, изъездили дно реки на гусеничной амфибии – ничего. А что оказалось? Его подводным течением от середины принесло обратно, почти в то же место, откуда он сиганул. И забило в щель между сваями на пристани. Нашли случайно. Принимали с «ракеты» швартовы, смотрят, под водой вроде мутнеет рука, вроде – водоросли, непонятно. Спустились в водолазном костюме, а там утопший Гаврюхин. Это ладно, нашли и нашли, ты послушай, что было дальше. Положили его на пристани, накрыли чьим-то пальто и побежали звонить – вызывать милицию и врачей. И как-то так оказалось, что рядом с

утопленником на короткое время не случилось никого из зевак. То ли толпе стало скучно, то ли тошно смотреть на мертвого. Словом – ушли. Тогда мертвый Гаврюхин, как ни в чем не бывало, поднялся, надел чужое пальто, которым его прикрыли, и преспокойно ушел с места собственного спасения. Я что теперь думаю, Мишка. Твои клиенты тоже вроде не дышат...

– Не дышат, – проговорил я сквозь смех, – и под водой могут пробыть сколько угодно долго.

Накатило. Я давился от смеха. Ушат за ушатом я выплескивал его из себя, а смех все не кончался. Костя сначала посмотрел на меня серьезно, даже как-то испуганно и оценивающе. Все-таки не виделась столько лет, а здоровье с годами уходит, даже психическое. Потом он решил, должно быть, что я не совсем псих и робенько улыбнулся.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.